

произошло, — кстати, он, наконец, догадался, как можно починить мой старый будильник! А? Будто бы он все время только об этом думал и даже мучился...

Вы заметили, что с тех пор, как он вошел, я не сказал ни слова? Я смотрел на него и думал: неужели я пятьдесят с лишним лет знаю этого человека для того, чтобы так сидеть и над ним издеваться? И я сказал: "Слушай, у меня уже есть новые часы. И ты это знаешь. Но! Если тебе нужно с чем-нибудь поиграть, можешь взять старые на комод".

Он порывлся, где я сказал, нашел часы, подергал Бандита за шею и пошел на выход. В дверях он оглянулся и сказал: "Извини, Гедаля, я не хотел. Само вырвалось. Знаешь, как бывает".

— Еще как знаю, — сказал я, а под конец не выдержал и — вы меня простите — сказал, куда ему идти. Я же очень долго молчал.

Так чего я пришел? Я хочу вас просить, если он к вам зайдет, — а он зайдет, — не подавайте виду, что вы все знаете. И дайте ему что-нибудь починить, если попросит. И помните, я — вам ничего не говорил.

Кораллы Карибского моря

Посреди лета что-то стряслось с пятницами.

Началось все две недели назад, вечером, в самое что ни на есть беззаботное время, когда привадишие за пять рабочих дней дух и тело начинают расправляться в предвкушении двух непочатых выходных. Игорь и Катя готовились на выход — посидеть с друзьями в летнем ресторанчике. Жена наносила последние штрихи перед зеркалом, а Игорь уже просто томился в духоте квартиры, когда его случайный взгляд зацепился за настенный календарь.

Выделенное передвижной рамкой число пятнадцать уходившей пятницы было повседневно-голубым, а завтрашнее субботнее шестнадцатое число — красным. Привычная смена рабочих будней уикендом. А для него суббота вдруг вспыхнула красной лампочкой аварии. Ведь месяц-то — июль, макушка лета, и пятнадцатое число еще по тропинке вверх, а следующее — вершина, пик, точка перелома; дальше — будьте внимательны при спуске!

Ему стало невыносимо обидно за проведенное непонятно как время, ведь по-настоящему летний вкус и цвет имели денька два или три.

Ужас. Нонсенс. Край.

Еще хуже было то, что куда-то кануло вовсе не пол-лета. Он мог бы перебрать в памяти с десятков лет и зим: чем занимался, к чему стремился, кого терпел, с кем расходился, — вспомнить радости и обиды, подарки судьбы и удары под дых — все можно было выстроить в одну цепочку. Нельзя было только понять, как растрочена эта уйма времени. И еще нельзя было сказать, когда стало проясняться — ты уже с ярмарки.

Очередная пятница не задалась вовсе. Бессчетные двухдневные звонки и электронные письма по увязке предельных скидок и сроков поставки оказались напрасны — их фирма проиграла тендер, а потом в узких улочках центра полетело сцепление его выдавшей виды "шестерки". Но это было еще не все. В готовый к печати каталог спешно понадобилось внести пару новинок. Плотно засев за компьютер, он до восьми вечера правил текст, излагал его по-английски и корпел над версткой нескольких новых страниц. Специфика небольшой компании нередко предполагает совмещение обязанностей менеджера по продажам, сведущего в предлагаемой технике, с навыками редактора, дизайнера, логистика, водителя-экспедитора, а также грузчика со знанием иностранного языка.

А нынче в пятницу надо было оформить очередную экспортную поставку. Накатанная процедура позволяла управиться с делом до обеда. Но на таможне, ставшей после революционно-честных выборов нового президента ареной нескончаемой борьбы за чистоту рядов и рук, следовали свежим инструкциям. И выходило, что рутинная поставка за рубеж двух небольших приборов провоцировала стратегические риски для страны, и прояснить их масштаб могла только специальная комиссия.

Когда Игорь, комбинируя слова и купюры, за полдня прошел всех причастных лиц и собрал коллекцию их подписей, выяснилось, что глава комиссии застрял в кабинете своего регионального начальника. Тогда Игорь заскочил в свой офис, загрузил машину пятью такими же коробками и по-ударному разделался с их контрабандной отправкой пассажирским поездом. Удовлетворив жажду мести, он вернулся на таможню, доброжелательно ответил на вопросы главы комиссии, получил подпись и смог отправить груз. Так и день прошел.

И перешел в вечер пятницы. И стоило забыть о бессмысленно потраченном времени и всех простить. Он в одиночку собрался на море. На Фонтан.

Припарковался у кафе наверху. Жара настоящего лета, как водится, отменила линию горизонта, и зелень воды плавно переходила в выцветшее на солнце небо, еще издали сообщая пляжным завсегдатаям, что море нынче отнюдь не бодрит, но ласково обволакивает. Обгоняя ленивых дачников, снимая на ходу футболку, Игорь через ступеньку сбежал по длинной лестнице вниз.

Отыскав свободный пятачок песка у самой воды, он расстелил пляжное полотенце цветов бразильского флага, разделся до плавок и с наслаждением вошел в воду. Форсировав шумную и многолюдную прибрежную полосу, поплыл к подводному волнолому, в полусотне метров вторящему изгибам береговой кромки.

По-настоящему удовольствие от плавания Игорь стал получать всего несколько лет назад. Возможно, это объяснялось тем, что в молодости он на приличном городском уровне бегал сотку и полкруга, и после пьянящей скорости спринта трудно было оценить прелесть ползания по воде.

Язык моря дошел не сразу, зато теперь убеждал с полуслова, доходчиво демонстрируя реальный масштаб обычной береговой суеты. Солонватая горечь воды гасила ненужные вибрации, а переменчивая волна то убаюкивала, то подзадоривала и возвращала на берег другим человеком.

Игорь миновал подводные редуты волнолома и двинулся в сторону прикованной к якорю симпатичной яхты. Космос как предчувствие мог зародиться именно рядом с безбрежностью моря, — вспомнил он вчерашний фильм. Тонкий флер ретро обволакивал до тех пор, пока его не настиг аквабайк спасательной службы. Смахивающий — два в одном — и на братка, и на желтого попугая, спасатель строго наказал держать курс на берег. Недовольный возвращением к реальности, Игорь ответил, что если отдельные маломеры не станут поднимать волну, то и проблем у пловцов не будет. Спаситель набычился, очертил круг поменьше, но решил проявить свое рвение на ком-нибудь другом и рванул дальше.

Умеренная доза адреналина подвигла Игоря перейти на кроль, а через пару минут он размеренным брассом потянулся к берегу.

Уходящее солнце уже не жгло, а приятно грело, вечерний бриз сушил мокрую кожу. Народ ловил косые закатные лучи, утолял жажду, жевал, курил, обменивался мнениями, сдавал картишки, листал желтую прессу, обнимался, следил за детьми, просто глазел по сторонам, шел за пивом и мороженым.

На белом шезлонге у воды прижимала к уху трубку девушка. Трубка была вишневой, а стильное бикини девушки — розовым. Два хвостика волнистых каштановых волос соскальзывали за плечи, подчеркивая легкие движения головы.

Поделившись с соседом сигаретой, Игорь невольно посмотрел направо, и его глаза вновь остановились там же. Он попытался понять, в чем дело. Вариант секс-бомбы не подходил, да и увидеть объект при этом надо бы в полный рост. Дальнобойно-броских черт лица или мощного художественного эффекта обильно наложенной косметики тоже не наблюдалось. Нельзя было сказать, что ее отличали экзальтированные жесты или неумеренные хлопоты лицом. Тем не менее, девушка в розовом явно выпадала из окружения. То ли хвостики у нее были задорные, то ли все дело в особняком и косо к прибору стоящем белом шезлонге.

Удовлетворившись этим толкованием, он решил, что ему тоже следует позвонить, и набрал Сережку. Уяснив, кто, где, с кем и чем занят, они наметили завтра вечером покатать в теннис, а в воскресенье встретиться за городом. Сережкина дача на Каролино-Бугазе все лето собирала шумные компании. День отдыха на песчаной косе между морем и лиманом заменял три дня в городе.

Друг спросил, как дела с новой знакомой. Эффектная Алла недавно

удостоверяла ему права собственности, после чего он пару раз подвозил ее. Общение выходило весьма занятным, и Игорь подспудно надеялся встретить Аллу у моря — по ее словам, она загорала на этом же пляже.

Обычно Игорь делал вечером один заплыв. Можно было уходить и сегодня. Море сделало свое дело, теперь накопившуюся за неделю усталость могут снять красное вино и сон. Для *hard day's night* показаны тихие игры.

Кто-то одевался и уходил, но классная вода еще многих удерживала на пляже. Дети чуть поутихли, а музыку в прибрежных барах сделали громче. Незнакомка в розовом листала что-то вроде Elle. Игорь зачем-то попытался встретиться с ней глазами, но не преуспел. Нет, она не выстраивала неприступную стенку. Она была проста, органична — и необъяснима.

Неожиданно для себя Игорь подался в воду второй раз. Поплыл напористо и технично, точно пытаясь заслужить тренерскую похвалу. Это было нереально, но ему казалось, что он затылком чувствовал на себе чье-то внимание.

На выходе из воды он перехватил короткий взгляд светло-голубых глаз знакомки. И понял, что его торс — с хорошими мужскими плечами над весьма приличным прессом — вполне оценен. И упругой походкой дошел до бразильского флага и выразительно сел.

— Игорь Сергеич, вам сколько лет? — одернул он себя. — Будьте скромнее. — Впрочем, далеко не все мужчины могли бы похвастать тем, что сберегли вес неизменным со студенческих времен. Он снова посмотрел направо.

Незнакомка в розовом избавилась от резинок, и волосы рассыпались по ее плечам. И еще она достала из изящного чехла модные, без оправы очки, в которых, оказывается, нуждались ее глаза.

— Ага! Вас, сударыня, явно что-то заинтересовало.

Теперь Игорь знал, что объект его интереса неявно поглядывал в его сторону. Незнакомка знала себе цену и изучала его.

— Вы не знаете, где зимуют фламинго? — пришло ему в голову в качестве первой фразы. Фраза, конечно, была так себе, хотя и лучше, чем вопросы из разряда "не хотите ли вы мороженого". Но смущало вовсе не это. Пляжное знакомство само по себе банально, но важно не что, а как. Границы личного мира в такой тесноте прозрачны и взору и слуху, а проходить фазу знакомства с непредсказуемым финалом на потеху скучающей публике не хотелось. Вот если бы она пошла к воде...

Ожил его мобильный. Прораб Гриша перечислял материалы, которые будут непременно нужны завтра, — шел ремонт новой квартиры. Потребности в подвозе недостающего швеллера, досок или шпаклевки возникали внезапно, как юношеская эрекция, и регулярно, как поломки подержанного авто. Проблема потолков заняла несколько минут, и Игорь не сразу вернулся на берег.

Небо оставалось ярким, но с песка солнце ушло. Незнакомка завернулась в яркое парео. Это снова было ей к лицу, но вовсе не с руки Игорю. Напора для преодоления сложности мизансцены явно не хватало, все же он прилично выложился днем. Хотелось уже получить что-нибудь на блюдецке, к тому же зачетные очки на этой неделе он уже набрал. Потом он не раз вспомнит эту чудную мыслишку, а тогда он поднялся, прихватил одежду и погреб по песку к выходу.

Что и было отмечено искоса брошенным взглядом из-под удивленно приподнятых бровей.

Что ему снилось, он не помнил, но вряд ли тайга или горы, и отнюдь не стражи державных интересов. Несколько раз за утренними делами он словно вновь ловил на себе тот вчерашний взгляд. И пытался уверить себя, что насмешки в нем не было.

Почему бы ему ни удовлетворить простое любопытство — она оказалась там случайно? Она загорает там иногда или каждый день? Она придет сегодня? Одна?

Накаленный как печка багажник "шестерки", конечно, всех мешков с изогипсом не вместил. Пришлось грузить несколько штук в салон. На последнем заходе резкая боль хлестнула по правой стороне спины, словно порвал струну горячий гитарист. Стараясь поменьше пачкать чехлы, он не удержал спину прямой — и немедленно поплатился. Когда смог сесть за руль, то отвез злополучную шпаклевку, поспорил с прорабом, поколесил по городу в поисках цветного стекла, и выбирая гибкую черепицу. Придав подобие пристойного вида салону машины, добрался до дома и принял душ.

Отлеживаясь на диване в надежде на целительные свойства фастумгеля, он известил Сережку, что пропустит матч. Друг требовал письменного заключения врача и грозил штрафными санкциями — но на деле убеждал с травмой не шутить и явиться завтра на дачу для лечебного массажа и плавания.

Жена с подругой отправились в салон обновить прически, а он переключал телеканалы с летними повторами старых программ, пока в шестом часу не признал, что отлежаться не удастся, что ему, несмотря ни на что, надо "на тринадцатую".

На этот раз он съехал на тянущуюся вдоль полосы пляжа нижнюю дорожку. Любителей солнца и моря было предостаточно. На море царил редко выпадающий полный штиль.

Ее он увидел сразу. Лежа на животе на том же косо к воде стоящем шезлонге, она читала, подперев голову кулачками. Собранные в один пучок волосы прикрывали верхнюю часть розового купальника.

Не отдавая отчета в своих действиях, он резко потянулся к бардачку за пляжной амуницией — и застыл, скривясь от боли. Скуля и подвывая, потихоньку привалился к спинке сиденья.

Когда он снова посмотрел на берег, незнакомка в розовом как раз меняла позу. Она подобрала под себя стройные ноги и села на пятки, а затем, снова опершись на кулачки, склонилась над книжкой. Теперь фасон нижней части ее бикини стал доступен взгляду во всей своей фестончатой сногшибательности.

"Морская фигура, на месте замри!" — давненько Игорь не играл в детские игры.

— Ротик прикрой! — посоветовал он себе после паузы. Потом уже трезвым взглядом оценил откровенность позы и задумался. Но все было настолько органично, что он готов был поручиться — это не способ привлечь внимание, это просто удобная для чтения поза. Да и вовсе не поза, а положение тела, которое привлекательная и не одергиваемая ревнивым собственником женщина запросто может себе позволить.

Спина ныла не отпуская. Он вытер мокрый лоб и глянул на себя в зеркало заднего вида. Тихо покачал головой. С глазами побитой собаки таких женщин не покоряют.

Проехав с полкилометра, он с безучастием механизма какое-то время проплавал в, должно быть, восхитительной — судя по числу купающихся — воде и поехал назад.

Незнакомки в розовом на пляже уже не было.

Наутро тремя машинами съехали на Бугаз. Сержкин анекдот о полете в Рио был хорош, но окончательно всех развеселила Ритка. К ним в турагентство после удачной поездки зашла постоянная клиентка — ви-

но, конфеты. Стала показывать свои фото в популярном стиле "Я и Колизей". Замороченная за день директриса Галка, взяв в руки снимок дамы на фоне Эйфелевой башни, задумчиво произнесла:

— Потрясающе! А где это?

Галка, по ее словам, бывала в Париже шесть раз. Поэтому сомнений не было:

— Говорит всем, что в Париж, а сама — то в Лохвицу, то в Попелюхи!

Только Игорь и после умелых хлопот Любы над его спиной чувствовал себя неважно. Залег с книжкой у дачного бассейна в тени какого-то рододендрона. Вокруг нарядного деревца с затейливыми, похожими на трубу от граммофона кирпично-красными цветками, кипела знойная жизнь. По тени нижних веток сновали солнечные зайцы. Легкий ветерок шелестел листвою и дудел в трубчатых домиках-ловушках. Ему вторил озабоченный гул тамошних постояльцев — привороженных цветками пчел и шмелей, их полосатая ярмарочная карусель без устали кружила над головой. Чуть выше, попискивая, прыгало с ветки на ветку шустрое пернатое с розовой грудкой, а над всем этим гамом по белесому небу ползли ослепительные крутобокие облачка.

...Тем временем Жак Соньер выполз из-под полотна и начал судорожно озираться...

...розовая птичка... розовая черешенка... розовая фиалка...

— Мосье Лэнгдон прибыл!..

...розовая помада... тугой розовый бутон... парфюм Touch of Pink...

— В ответ пролаяли что-то неразборчивое...

...розовая орхидея... розовый фламинго... розовый жемчуг... розовый коралл...

— Как, нравится? — осведомился Фаш и приподнял широкий подбородок.

...эх, Игорь Сергеич, Игорь Сергеич... Надо бы спросить у Доктора, когда заявится с пляжа: синдром жирафа — это медицинский термин?

В понедельник парило с утра и, к облегчению задыхавшихся сердечников, после обеда на город обрушился мощный короткий ливень. Шансы увидеть ее на пляже теперь еще более поубавились — хотя только наивные как дети субъекты могли еще на что-то надеяться. Но Игорь, закружась пораньше, заскочил домой переодеться, известил жену о благотворности плавания для его спины и вскоре оказался "на тринадцатой".

На прежнем месте стоял другой, синий шезлонг. На нем поправляла замысловатую прическу средних лет дама — того типа, который так привлекал Рубенса.

Розовых фиалок в поле зрения не было. Орхидеи цвели и источали колдовской аромат не здесь.

Чего и следовало ожидать. Даже если она — кто запретит фантазировать — ненароком вспоминала о нем, то из его отсутствия следовал вполне определенный вывод.

Оставалось плаванье в лечебных целях.

Назавтра вечером он снова был на пляже. Заплывы, похоже, в самом деле шли ему на пользу. Повернув к берегу, он уже не остерегался сделать резкое движение. Он плыл прямо на закат. Мелкие хлопья невесомых облачков, окрашенные в самые немыслимые оттенки, были в карнавальном беспорядке разбросаны по нежно-голубому заднику чистого неба. Придумать такое, пожалуй, мог только оставленный без присмотра ребенок. А сотворить смог бы ребенок-океан с планеты Солярис.

— Ты узнаешь ее, ты узнаешь ее, ты узнаешь ее из тысячи, — твердило радио, когда он ехал домой.

— Ты увидишь ее! Ты увидишь ее! — он был теперь в этом уверен, он это чувствовал. Надо было как-то дожидаться еще одного вечера.

Он его дождался. И оказался на том же месте в тот же час. И еще издали различил ее розовый купальник.

Она расположилась почти у самой воды. Она была не одна. Она что-то рассказывала той самой даме от Рубенса. Стянутые назад волнистые волосы завершались тугой французской косичкой. И это снова было классно. Сколько же у нее вариантов удачных причесок?

Он бы не смог ответить, были ли вокруг люди. С кем она сидела, было совершенно неважно. Он растянул свой флаг и разделся. Подошел к воде и убедился, что она мокрая. И в три секунды оказался перед тем самым шезлонгом. Что он собирался сказать — о таких пустяках он не думал. Да и вообще в разговоре участвовали разве что периферические участки сознания.

— Прошу прощения. Я, похоже, посеял компас и немного заплутал. Подскажите, далеко ли до моря?

Она чуть повернулась, с легким прищуром всмотрелась светло-голубыми глазами — и быстро опустила их.

Она молчала с едва заметной усмешкой на губах, а дама от Рубенса понимающе улыбнулась и произнесла:

— Рукой подать. Надо только обернуться.

— Вы меня выручили, — ответил он и сделал легкий поклон им обеим.

И спросил, адресуясь к одной:

— А вы не составите мне компанию?

— Нет. Холодно, — наконец-то произнесла она.

— Холодно там, — он показал на воду, — или здесь?

— Там.

— Жаль. Я б подогрел, если б знал.

Он вернулся к своему флагу и принялся изучать панораму дальнего рейда. Он впервые по-настоящему, близко, увидел ее лицо. Как он был обделен раньше! "Я красивых таких не видел".

Не надо было ничего выдумывать. Да он бы так и не смог — откуда у менеджера по продажам возьмется воображение Боттичелли?

Его несколько не опечалило фиаско. Было достаточно ее присутствия всего в десятке шагов.

А она — кто бы мог подумать — пересела лицом к закатным лучам, достала косметичку и, оценив себя в зеркале, слегка подкрасила губы. Шальная улыбка поселилась на его лице, и с этим ничего нельзя было сделать. Стало легко и весело.

Игорь пошел купаться. Утопиться он бы не смог. Вода просто выталкивала ставшее невесомым тело. Ее голос звучал у него в ушах, а утонченные черты казались нереальными. Он плыл и издали поглядывал на берег.

В какой-то момент она поднялась и оставила свою соседку. Отошла в сторонку, прижимая к уху трубку. Это явно не было легким трепом. Она вышагивала вдоль воды, замирала на месте, поправляла волосы, забавно загребала стопами песок, чертила пальчиком узоры, наклонялась, словно наконец-то решила собрать коллекцию ракушек. На это стоило посмотреть.

Она ела яблоко и разговаривала с соседкой. Она листала журнал. Она расплетала косичку и проходила по волосам щеткой. Она категорически не смотрела в его сторону. Зато его настойчивые взгляды не раз перехватывала ее соседка.

А его поведение наверняка бы не только озадачило друзей и близких, но и пробудило профессиональный интерес специалистов в области психиатрии. Он качал головой, почесывал в затылке, беззвучно шевелил губами или принимался бормотать вслух:

— Ах, так! Вот ведь врединка какая! — и лупил кулаком по песку.

В какой-то момент она водрузила на носик знакомые ему очки и принялась перебирать какие-то бумаги. Он различил загранпаспорт и цветной буклет авиабилета. Она собралась в турпоездку? Она приезжая? Она вообще живет за границей и приехала погостить? Почему она на пляже с документами, было непонятно и неважно.

Она отыскала нужный листок и набрала записанный на нем номер. Она не уединялась и явно выясняла что-то по делу.

Эйфория Игоря улеглась. Он дожидался, кто уйдет первой — она или ее соседка. Они засобирались вместе. Широкая джинсовая юбочка мягкими волнами легла на ее бедра, едва прикрывая купальник. И это опять было классно!

Игорь улучил момент, когда она чуть оторвалась от своей спутницы, и появился перед ней. От неожиданности она отступила на шаг или два в сторону. Он засмеялся и поднял вверх руки:

— Это не ограбление!

Она вопросительно смотрела на него.

— Я только хотел предложить... Может быть, если вы не слишком спешите...

— Мы вполне можем обойтись без этого.

— Но, если вы...

— Нет. Я уверена, что всего этого не нужно.

Ему ничего не оставалось, как пожать плечами. Только произнеслось:

— Sorry. Let it be.

В последний момент она посмотрела на него более пристально, и выражение ее лица — или это только показалось — чуть смягчилось.

Сумерки сгустились резко.

Одинокий провод пересек выкативший диск луны, походя низведя ночное светило до простого значка диаметра с урока геометрии. Но лунный свет был вовсе не печален: досада — не безразличие.

По дороге домой машину Игоря четырежды обгонял серебристый "лексус". На свободных участках дороги иномарка запросто уходила дале-

ко вперед, но потом — то удачно выбирая полосы на светофорах, то сделал с ходу левый поворот — впереди оказывался Игорь. В который раз обнаружив себя позади "шестерки", неразличимый за тонированными стеклами владелец "лексуса", похоже, не выдержал. Врубив дальний свет, он выскочил на встречную полосу и наконец-то смог утешиться.

А Игоря утешал знавший что почем Челентано.

Через двадцать один час он водрузил бразильский флаг на прежнее место. Героини Боттичелли отсутствовали. Дамы от Рубенса тоже.

Стараясь не копаться в своих чувствах, он добросовестно доплыл до дрейфовавшей в приличном отдалении яхты и вернулся на берег. Растираясь полотенцем, он почему-то обернулся — и увидел ее, спускающуюся на пляж. Вместе с той же спутницей.

Пляж перестал быть простой полоской песка, прозябающей на краю суши, — теперь Игорю не нужна была и набережная Круазетт в разгар кинофестиваля.

Она осталась в своем розовом купальнике и соорудила на голове забавную башенку из высоко заколотых скрученных волос. Вдвоем вошли в воду, по талию — у одной из них она точно была. Они весело переговаривались, ее лица он не видел. Зато ясно различал добродушную улыбку ее собеседницы и то, как она указывала глазами в его сторону.

Когда она оставила свою спутницу на мелководье и уверенно поплыла к волнорезу, Игорь влетел в воду. На ходу он еще готов был спросить у дамы, дает ли она добро на выход в море, но та деликатно отвернулась.

Он поравнялся с ней через минуту и, слегка запыхавшись — не то от проделанного рывка, не то по какой-то другой причине, — выдохнул:

— Добрый вечер! Следует ли мне обозначить свое приближение гудком?

— Гудком? Прикольно. Давайте!

— Щас! — он откашлялся. — Нет. Может, лучше дать сигнальную ракету?

— Давайте ракету. Так где она?

— Забыл впопыхах на берегу.

— Как же вы могли?

— Сам не пойму. Радует, что мое внезапное появление не привело к судорогам. Меня вот на днях схватила, по счастью, в бассейне.

— А где бассейн?

— На даче моего друга, на Бугазе.

- А где это?
- Ага! Если вы об этом спрашиваете, значит, вы не местная...
- Да. Днепропетровские мы.
- Вот ведь! Сколько исколесил, а в ваших краях бывал только проездом. И вас не видел.
- Да я наполовину одесситка. Каждое лето провожу здесь у тети несколько недель. В этот раз только меньше.
- Что ж так?
- Сейчас живу за границей.
- На Кипре? — почему-то вырвалось у него.
- Нет, — удивилась она. — Но, в самом деле, на острове.
- Где, если не секрет?
- Далеко. На Гаити.
- Ого! Так вот в чем дело...
- И в чем же?
- Ну, это хоть что-то объясняет. Ваше появление делает этот пляж другим. Придает ему — не могу сходу выразиться получше — законченный смысл.
- Да бросьте вы! Какое сегодня число?
- Четвертое. Месяц август, тысячелетье третье. Планета Земля.
- Смешно! У меня до отъезда осталось пять дней.
- Обхохочешься!
- Они доплыли до волнореза и, положив на него руки, качались на волнах.
- Меня Игорем зовут. А вас?
- А вас!
- "Меня Николай Степаныч!" ... Вы знаете эти старые хохмы? Неслабо! То есть прикольно! Так как же вас зовут?
- Нина.
- У меня не было в этой жизни близких знакомых по имени Нина... Скажете — и не будет?
- Ну, близких, наверное, не будет.
- Вот так!... На берег мне можно не плыть.
- Take it easy! А чем вы вообще занимаетесь?

Они возвращались к берегу. Он плыл на спине и чуть впереди нее — так они видели лица друг друга. Он рассказал о своих занятиях и узнал о ее участии в модельном бизнесе и опыте телеведущей. И поделился, как они вчетвером искали спонсора и запускали ночной телеканал и что из

этого вышло. И Нина хвалила Одессу, а он сравнивал ее с Питером, который когда-то узнал в командировках как свои пять пальцев. И оказалось, что их знаки Зодиака образуют удачное сочетание, и вспомнили они, как попал в телеэфире впросак знаменитый астролог. И говорили о самых красивых женских именах и о том, какая буква и какой цветок самые эротичные. И еще о чем-то. Сколько он потом ни вспоминал эти минуты на закате, память рисовала ослепительный полдень.

Она подплыла к тете, а он выбрался на берег. Они плескалась еще несколько минут, и Нина — хоть бы немного еще о прекрасном — кружила вокруг тети и при приближении очередной волны смешно вытягивала изящную шейку, защищая от воды свою башенку. Он смотрел бы на это до утра.

Они немного посидели вместе.

— Так это кораллы Карибского моря? — он сделал легкое движение головой к ее купальнику.

— Ч-ч-ч! — она предостерегающе выставила перед собой ладошки. — Именно. Хотя, если зайдете в duty free при пересадке в Дюссельдорфе, может быть, найдете что-то похожее.

— Зайду обязательно. А до тех пор мы могли бы вместе поужинать?

— Могли бы. Но не будем.

Он вздохнул:

— What a pity! А вот если бы я знал ваш номер, то мог бы впредь сообщать, как сегодня водичка... Или что-нибудь еще.

— Я над этим подумаю.

В машине по дороге домой неистовствовала Anastacia — Left outside alone. И не мог он различить в этой, должно быть, мольбе одинокой женщины ничего, кроме страсти торжествующей любви.

Все утро наступившей пятницы он не мог сосредоточиться ни на чем, но все дела, проблемы и нестыковки разрешались сами собой. В районе полудня он смог выкроить час и попасть туда, где мысленно находился все это время. Нины на пляже не было.

Но она была в этом городе, она поднималась по этой лестнице, ходила по этим улицам. Представить, что спустя несколько дней ее здесь не будет, было невозможно. Он ей должен все объяснить. Your beauty is true. Он давно ждал — именно ее. Как он мог не узнать ее в ту пятницу — сто лет тому назад!

Надо было как-то протянуть несколько часов до вечера. И все эти часы где-то в области солнечного сплетения — он ощущал это физически — неумолчно и сладко звенела натянутая тетива. Такого за собой он не знал.

Все стихло вечером — пляж был пуст. То есть ее не было. Он увидел тетю и подошел к ней:

- Добрый вечер! Вы решили сегодня племянницу не брать?
- Да. Оставила дежурить по кухне.
- А вы, оказывается, строгая тетя!
- Конечно. Иначе нельзя!

Он только выразительно вздохнул. И пошел топиться, и проплавал полчаса.

Он перехватил тетю наверху, когда она переходила дорогу:

- Вас подвезти?
- Нет-нет, — она разглядела его в полутьме салона. — Мне сюда. —

И миновав ажурную калитку, стала удаляться по узкой длинной аллее между особняками.

От Фонтанской дороги аллею отделяло давно знакомое ему полукругье облицованной мрамором стены. Белый на темно-сером фоне, пробивался сквозь сумерки барельеф — с характерным женским профилем и лаконичным текстом, что здесь когда-то родилась знаменитая поэтесса. Чуть поодаль он различил граффити — алое сердечко и два слова под ним — Дышу тобой.

Настоящий художник, даже еще не вполне набивший руку, всегда говорит за других.

Она появилась на пляже в последний вечер.

Тогда он — такого не бывало в этой жизни — собрался плавать десятый день подряд. И куда ему потом девать столько все прибывающего здоровья?

Она сидела с тетей и еще с кем-то. Он поздоровался издали. Она явно мерзла и накинула кофту. Ему было жарко, но в воду тоже не тянуло.

Он склонил голову набок и подпер эту тяжесть локтем. Он не прессиовал страстным взглядом, не корил и не телепатировал немые вопросы. Он просто посматривал на нее, стараясь подольше задерживать глаза где-нибудь еще.

Она повернула к нему голову — и тоже склонила ее набок. Несколько секунд тихо и отстраненно смотрела на него. Тогда он соскользнул подбородком с ладони и уронил голову на песок. Она улыбнулась и показала

ему язык. Отвернулась. А он перевел взгляд туда, где который день подряд море неразлично обращалось в небо.

Sunshine, sunshine reggie!
Give me, give me, give me
Give me a little smile
We got a message for you.
Веселый народ — эти карибы!

Он не был на пляже неделю. В большой и шумной мужской компании отправился на стадион на футбол. Безучастно отсидев первый тайм, во втором увлекся тем, как наши фланги терзают их защиту, и рвал голосовые связки не хуже записного фаната.

Когда осевшая в уличном кафе компания заметно поредела, поделился с Сережкой опытом вечерних купаний. Помолчав, друг снова наполнил рюмки и, чокаясь, спросил:

- Эйфория — это здорово. А что в реальном остатке?
- Немерено. Я на земле, где вы живете. Ну, или — знаю, ты на свете есть. И надпись на заборе.
- Каком еще заборе?
- Да есть там один.

Они знатно, по-взрослому, отметили победу, выяснили, где кроется истина, и, душевно дуэтом изложив историю о том, как "у девушки с острова Пасхи украли любовника тигры", констатировали тот непреложный факт, что "каждую пятницу, лишь солнце закатится, кого-то жуют под бананом".

Что проехали — не вопрос. Что за ближним поворотом? Да тоже не вопрос! Не спи за рулем! Do your best. Терпи до лета — и не жди его. Оно может случиться в любое время — был бы ты готов.

Всякое в жизни бывает. Но не со всеми и не всегда.

В сентябре зарядившие на неделю шторма съели половину от прежней ширины пляжа, и те места, где стоял белый шезлонг и стелился бразильский флаг, скрылись в мельтешении ажурной пены. Но это было неважно.

Ну и что, что так совсем недолго
Нам с тобой выпало летать,
Ну и что, что так немного толку
Из того, что кому-то летать,
А кому-то ползать...

Приемник в машине был настроен на прежнюю волну.

Всемирная паутина доносила, что на острове Гаити в разгаре сезон дождей и ураганов. Прогноз погоды на десять дней сводил с ума своим разнообразием: семь дней кряду гроза, на восьмой — гроза во второй половине дня, за которой еще два грозовых дня.

Игорь узнал, что после кораблекрушения на коралловом рифе Колумб сделал своим флагманом каравеллу "Нинья" — у берегов острова, который теперь называют Гаити.

И еще Игорь теперь знал, что раз в несколько лет в Тихом океане по непонятным причинам неожиданно и неотвратимо возникают мощные течения — то холодные, то теплые, — которые глобально меняют погоду.

Сказать названия?

— Ла-Нинья. Эль-Ниньо.

ПОЭЗИЯ

Виталий АМУРСКИЙ СловЛарь	170
Олександр ЧЕРНЕЦЬКИЙ Коріння – вічність	174
Александр ДМИТРИЕВ ...И душа поэта раскрыта... ..	178
Валентина СИЛАНТЬЕВА И солнечный лучик, и ноток созвучье... ..	181
Юлия МЕЛЬНИК Руками до моря бережно донести... ..	185
